

A vibrant movie poster for the film 'India: The Instruction Didn't Apply'. The poster features three main characters in the foreground: a woman on the left in a traditional Indian sari, a man in the center in a casual shirt, and a woman on the right in a backpacker's outfit. The background is a lush Indian street scene at sunset, with a decorated elephant, a rickshaw, and traditional architecture. The title 'Индия:' is written in large, ornate golden letters, and the subtitle 'инструкция не прилагалась' is on a red banner at the bottom.

НАТАЛИЯ БОГОЛЮБОВА

Индия:

инструкция не прилагалась

Наталия Боголюбова

Индия: инструкция не прилагалась

<https://litres.ru/73552484>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они думали, что едут в путешествие. На самом деле они ехали навстречу себе. Сначала всё было просто. Билеты. Чемоданы. Лёгкое волнение перед неизвестностью, ожидание красивой истории. Но Индия не рассказывает истории так, как мы привыкли. Она не объясняет. Не предупреждает. И точно не выдаёт инструкций. Зато она умеет другое. Она умеет забирать лишнее. Постепенно. Почти незаметно. Сначала уверенность в том, что ты всё контролируешь. Потом привычные роли. Потом ту версию себя, за которой так удобно было прятаться. И однажды ты ловишь себя на мысли, что стоишь посреди чужого города, в чужой стране, среди людей, которых совсем не знаешь и вдруг впервые за долгое время ты настоящий.

Здесь всё происходит не по плану. Чемоданы теряются. Таксисты ведут тебя дорогами, которых нет на карте. Обезьяны воруют еду и немного твоего достоинства. А случайные разговоры оказываются важнее всех заранее подготовленных мыслей. Здесь легко заблудиться. Но почти невозможно остаться прежним.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ПРИБЫТИЕ	11
ЧЕМОДАН В ДУХОВНОМ ПОИСКЕ	14
ЭТОТ МИР УСТРОЕН ИНАЧЕ	25
ФЁКЛА ТЕРЯЕТ СОВЕСТЬ И НАХОДИТ	28
ЛАДДУ	
ЖЕНИХ НА БЕЛОМ КОНЕ	32
ЗАПЯТАЯ ПЕРЕД ПЕСНЕЙ	37
МИЛЛИОН УЛЫБОК	42
СИТАР В НОЧИ	50
ТАЯ	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Наталия Боголюбова

Индия: инструкция не прилагалась

*Если бы судьба писала сценарии,
она бы начала эту историю так:
«Шесть характеров. Один план.
Ноль гарантий». И аккуратно
подчеркнула слово «вместе».*

ПРОЛОГ

Они не совпадали по темпераменту. Но совпали по датам отпуска.

Василина Котикова.

Фамилия у неё была настолько очевидной, что здесь судьба даже не пыталась быть тонкой.

Сначала друзья звали девушку Василиной. Потом Вале́й. Потом кто-то однажды сказал:

– Ну ты же Котикова. Значит, Васька.

И всё. Прилипло.

Васька не обижалась. Она вообще редко обижалась. В её глазах всегда жило ощущение, будто мир интереснее, чем кажется. Она любила длинные юбки, яркие серьги и людей чуть сложнее среднего.

Тая Хлопотина.

Имя звучало как вздох, а фамилия как диагноз.

Эта девушка жила по расписанию. У неё было расписание на неделю, на месяц и, кажется, на жизнь. В её телефоне существовали списки списков.

Она верила, что мир можно удержать аккуратной таблицей.

– Спонтанность – это просто плохое планирование, – любила говорить Тая. Перфекционизм был её суперсилой и её клеткой.

Но в последнее время таблицы перестали успокаивать.

Индия в её блокноте значилась как «перезагрузка». Тая не знала, что перезагрузка иногда происходит без согласия пользователя.

Фёкла Кефиркина.

Само имя уже звучало как лёгкое приключение.

Она могла споткнуться на ровном месте, забыть, зачем вошла в комнату, и при этом точно знать, что сегодня «не день для сложных решений, потому что Луна в чём-то там».

Фёкла верила в энергии.

В приметы.

В то, что если чемодан не закрывается, значит, Вселенная против избыточности.

Она смеялась громко, обнимала крепко и умела находить смысл в случайностях.

– Мы летим в Индию, потому что так сложились вибрации, – заявила она.

Кир тогда промолчал. Он вообще часто молчал, когда речь заходила о вибрациях.

Кир Логинов.

Сисадмин.

Визуальный перфекционист.

Практичен.

Циничен.

Он любил системы, инструкции и понятные алгоритмы. В мире, где всё можно объяснить логикой, ему было спокойно.

– Индия – это стресс-тест, – сказал он перед вылетом. – Если я переживу трафик, я переживу что угодно.

Но на самом деле он устал. От работы. От людей, которые забывают пароли. От ощущения, что он всегда тот, кто чинит.

Он тоже хотел, чтобы кто-то что-то починил внутри него.
Ян Ляпоше.

Художник. Фотограф. Человек, который смотрит на облако и видит в нём личную драму.

Недавно разведён. Слегка разбит. Романтичен до опасности.

– Моя фамилия французская, – говорил он с достоинством. – Ляпоше.

– Конечно, – кивал Кир. – Почти Дюма.

Ян верил, что Индия подарит ему кадр, который соберёт его обратно. Он хотел найти свет. Или хотя бы красивую тень.

Лео Зайцев.

Широкие плечи. Сильные руки. Работает в строительной фирме. Может поднять шкаф. Может молчать часами.

Добряк.

Но внутри у него жила история про отца, с которым всё всегда было «недостаточно». Недостаточно хорошо. Недостаточно правильно.

Лео поехал в Индию без чёткого объяснения.

– Просто надо, – сказал он.

Иногда это самая честная причина.

Самолёт взлетел спокойно. Все устроились. Тая проверила время прилёта. Кир включил фильм. Ян смотрел в иллюминатор. Васька мечтательно улыбалась. Лео закрыл глаза. Фёкла изучала инструкцию по безопасности, как древний манускрипт.

Здесь судьба закатала рукава повествования и сказала: «Ладно, эксперимент начинается. А теперь – добавим перца».

Самолёт тряхнуло.

Сначала мягко.

Потом сильнее.

Салон вздрогнул, как будто воздух внезапно вспомнил, что он живой.

Фёкла побледнела.

– Это нормально?

– Турбулентность, – спокойно ответил Кир. – Перепады воздушных потоков.

Самолёт снова провалился вниз.

Лео открыл глаза.

– Мы падаем?

– Нет, – быстро сказала Тая. – Просто... временная нестабильность.

Фёкла вцепилась в подлокотники.

– Я знала, что не надо было пить томатный сок. Это знак.

– Это физика, – сказал Кир.

Самолёт качнуло так, что Фёкла вскрикнула.

– Всё нормально, – тихо сказал Ян, хотя сам чувствовал, как сердце ускорилось. – Это просто воздух играет.

Ещё толчок.

Фёкла закрыла глаза.

– Если я выживу, я буду добрее к людям. И к брокколи. Васька неожиданно рассмеялась.

– Мы летим в страну, где всё живёт ярко. Даже воздух. Лео выдохнул.

Самолёт постепенно выровнялся. Гул стал ровным, спокойным.

По салону прошёл коллективный вздох облегчения.

Фёкла осторожно открыла один глаз. Потом второй.

– Мы живы?

– Да, – сказал Кир. – Пока да.

– Сработало! – обрадовалась девушка.

– Что именно?

– Я поклялась, что перестану есть сладкое.

– Вселенная такая: «Ладно, оставим их», – усмехнулся Ян.

Лео откинулся в кресле и улыбнулся.

– Ого. Вот это начало.

– Это был демоуровень, – мрачно заметил Кир.

А воздух за бортом делал вид, что он ни при чём. Синий, невинный, как будто только что не устраивал аттракцион.

Через час самолёт коснулся земли. Плавно, робко. Будто пилот боялся разбудить древних богов, дремлющих под

взлётной полосой.

– Всё? – уточнила Фёкла, глядя в иллюминатор с подозрением.

– Всё, – кивнул Кир. – Мы официально в Индии. Если кто-то ожидал фанфары, слонов и барабанщиков, то, возможно, они опаздывают.

Тая уже включила телефон и проверяла время.

– По плану сейчас мы быстро получаем багаж, находим нашего гида, едем в отель и заселяемся.

Индия в этот момент тихо усмехнулась.

Никто, правда, этого не услышал.

ПРИБЫТИЕ

Дверь самолёта открылась.

Воздух.

Тёплый. Плотный. С характером.

Он не ударил в лицо, не обжёг.

Он обнял. Так обнимают дальние родственники на свадьбе: уверенно, без спроса, с ароматом специй и долгих разговоров.

Этот воздух был не просто тёплым. Он был насыщенным. В нём чувствовалась пыль дорог, вечерний жасмин, далёкий дым костров, металл взлётной полосы и что-то ещё, что невозможно назвать словом. Только вдохнуть.

Трап слегка дрогнул под ногами.

Где-то внизу гудела техника. Вдалеке мерцали огни взлётной полосы, расплавленные в тёплой темноте.

– Всё, – сказал Кир, ступая на металлические ступени. – Мы официально в другом измерении.

Он произнёс это с привычной иронией, но голос его звучал чуть тише обычного.

Тая замерла на секунду.

Её мозг привычно начал работать.

Температура выше.

Влажность выше.

Запахи сложнее.

Звук гуще.

Слух фиксировал многослойный фон: далёкие гудки, шелест разговоров, какой-то металлический звон, шаги по бетону. Всё это не раздражало. Оно складывалось в ткань.

Даже тишина здесь звучала иначе. Она не была паузой. Она была фоном.

Разум раскладывал впечатления по полочкам, как аккуратный библиотекарь. Но сердце Таи... сердце просто улыбалось.

Фёкла, ступив следом, прошептала:

– Я чувствую, как мои волосы начинают жить своей жизнью.

Василина рассмеялась.

– Это климат знакомится.

Снизу доносились звуки наземной службы, чей-то смех, отдалённый сигнал. Всё это не складывалось в хаос. Это было похоже на дыхание большого организма.

Ян задержался на верхней ступеньке трапа и посмотрел вверх. Небо было тёмным, но не холодным. Оно не давило. Оно укрывало.

Тая сделала шаг вперёд.

И в этот момент она ясно почувствовала: прежняя версия её осталась где-то в салоне самолёта, между пледом и пластиковым стаканчиком с апельсиновым соком.

А новая – уже здесь.

В воздухе. В тепле.

В неизвестности, которая почему-то совсем не пугала.
Город ещё не был виден.
Но он уже начинался.

ЧЕМОДАН В ДУХОВНОМ ПОИСКЕ

На багажной ленте чемоданы кружились, как участники неторопливого бала. Каждый подъезжал с достоинством, будто хотел, чтобы его узнали.

– Вот мой! – обрадовалась Тая.

– И мой, – подхватил Лео.

Фёкла стояла, скрестив руки. Лента замедлилась. Потом остановилась.

Её чемодана не было.

– Он... в духовном поиске, – философски произнесла она.

– Я уважаю его выбор.

Тая уже разговаривала с сотрудником авиакомпании. Кир внимательно изучал бумаги. Ян смотрел на потолок, будто искал там ответ древних текстов.

Сотрудник улыбнулся мягко, почти просветлённо:

– Чемодан прилетит следующим рейсом. Мы доставим его в отель.

– Видите? – сказала Фёкла. – Даже мои вещи проходят отдельный путь самопознания.

Кир рассмеялся.

– Отлично. Значит, начинаем путешествие налегке. Почти буквально.

Они вышли на улицу. И тут всё стало по-настоящему интересно.

Город не шумел. Он звучал.

Гудки машин складывались в какой-то особый ритм.

Мотоциклы пролетали, как стрекозы.

Где-то вдали мерцали огни, и воздух был тёплый, словно ночь только что сварили в пряностях.

– Так... – медленно произнесла Фёкла. – Я либо сплю, либо мы только что шагнули внутрь живой картины!

– У меня ощущение, что мир стал громче, – сказала Тая. – И ярче. И быстрее.

– А у меня, – ответил Кир, – что мы до этого жили в режиме «чёрно-белое», а теперь кто-то выкрутил насыщенность на максимум.

Он замер, глядя на лавку с гирляндами из бархатцев.

– И знаешь что? – тихо добавил он. – Мне это нравится.

Тая улыбнулась.

В этот момент к ним подошёл высокий мужчина. Стройный, подтянутый, с лёгкой серебряной нитью в волосах у висков. В его глазах было спокойствие и чуть заметная искра весёлости. Вишнёвый жакет сидел на нём безупречно. Не кричащий, не театральный, а просто благородный. Белая рубашка подчёркивала загар.

В руках у него была табличка, на которой аккуратно значилось:

«ТАЯ И ДРУГИ».

– Добро пожаловать в Индию, – сказал он мягко. – Я Самир. Ваш гид. Водитель уже ждёт нас.

Неподалёку стоял белый минивэн – Tata Winger¹.

Аккуратный, чистый, с чуть затемнёнными стёклами. На приборной панели аккуратно расположился маленький золотистый Ганеша.

Самир открыл дверь, пропуская их внутрь.

– Знакомьтесь, это Рави. Наш водитель.

Рави был невысоким, крепким, смуглым. Улыбка у него была широкая, настоящая, такая, что продолжается в глазах. Его густые чёрные волосы были аккуратно зачёсаны назад. Светлая хлопковая рубашка с закатанными рукавами открывала загорелые руки.

– Намасте², – сказал он, слегка кивнув.

В этом кивке было всё: уважение, приветствие, лёгкая доброжелательность и едва заметный юмор.

Мотор загудел тихо, без рывка. Машина плавно влилась в поток.

Город переливался огнями. Жёлтые, зелёные, розовые вывески мигали, словно соревнуясь, кто ярче. Рикши мелькали сбоку, мотоциклы проскальзывали с грацией уличных танцоров.

Тая сначала пыталась следить за дорогой логически. Через три минуты она сдалась.

– Здесь нет полос, – прошептала она.

– Есть, – возразил водитель. – Просто они носят рекомен-

дательный характер.

Ян смотрел в окно широко раскрытыми глазами.

– Это похоже на живой организм. Всё движется хаотично... и при этом никто ни с кем не сталкивается.

– Это не хаос, здесь просто другая геометрия, – сказал Рави.

– В Индии главное – уважать пространство. Даже если его почти нет, – добавил Самир, обернувшись к ним.

Рави тихо засмеялся и аккуратно объехал автобус, который, казалось, возник из воздуха.

Фёкла смотрела вперёд, сжав ремень безопасности.

Кир, напротив, начал расслабляться.

– Удивительно, – признался он. – Я ожидал паники. А чувствую... доверие.

Рави поймал его взгляд в зеркале и чуть кивнул: «Правильно чувствуете».

Через сорок минут огни стали мягче, улицы – уже. Машина свернула в тихий переулок, где воздух был гуще и пах жасмином.

Перед ними стоял гестхаус – трёхэтажный, с балкончиками, увитыми зеленью. Стены были выкрашены в тёплый песочный цвет, а над входом висела скромная вывеска с аккуратной надписью Indigo Dream³.

– Ваш дом на ближайшие дни, – сказал Самир.

– Дом? – уточнила Тая, оценивая фасад.

– В Индии всё, где вас принимают с чаем, – дом.

Дверь открылась ещё до того, как они успели постучать. На пороге появился хозяин – пожилой мужчина в белой куртке⁴, с глазами, в которых светилось любопытство и радушие. – Намасте! Добро пожаловать!

Процесс заселения оказался отдельным приключением.

Паспорта. Подписи. Вопросы. Улыбки.

Кир внимательно проверял каждую строку.

Фёкла тем временем разглядывала стены, украшенные картинами с яркими индийскими сюжетами.

Лео поднялся по лестнице первым.

Лестница была узкая, с перилами, которые видели не одно поколение туристов. На стенах висели маленькие зеркала в резных рамах.

Комнаты оказались простыми, но уютными. Большие кровати с белыми простынями. Потолочные вентиляторы, вращающиеся с медитативной скоростью. Деревянные шкафы. Маленькие балконы с видом на улицу, где жизнь ещё не собиралась спать.

Тая поставила чемодан и замерла.

– Слышите?

Они прислушались.

Где-то вдалеке звучала музыка.

Лёгкий ритм барабанов. Голоса. Смех.

– Это свадьба, – улыбнулся Самир. – В Индии всегда где-то свадьба.

– И это только первый вечер, – заметил Ян.

Фёкла подошла к окну.

– Здесь воздух даже ночью тёплый.

Кир сел на кровать и осторожно нажал на матрас.

– Проверка пройдена, – объявил он серьёзно.

Василина вышла на балкон.

Улица была освещена мягким светом фонарей. Мимо прошёл мужчина с подносом, на котором горели маленькие огоньки. Где-то проехал мотоцикл. Дети смеялись.

Ночь не была тихой.

Она была живой.

– Если что-то понадобится, скажите. Завтра мы начнём знакомство с городом.

– А сегодня? – спросила Тая.

Самир улыбнулся.

– А теперь, други мои, важный вопрос. Вы хотите спать... или пойдём перекусим?

Друзья переглянулись.

Спать хотелось.

Но голод и любопытство оказались громче.

Рави, который всё это время терпеливо ждал у входа, улыбнулся так, будто знал исход голосования заранее.

Через десять минут они снова ехали по вечерним улицам. Ночь стала гуще, но не тише. Где-то жарили ароматные самосы, где-то спорили, где-то смеялись. Город не засыпал. Он просто менял ритм.

– Куда мы? – спросила Тая.

– В место, где пряности говорят громче слов, – ответил Самир. – Ресторан «Saffron Lantern⁵».

Название светилось неонов. Весело, даже чуть дерзко.

Внутри было тепло и шумно. Стены украшали яркие картины с танцорами и слонами, потолок был увешан лампами, каждая из которых светила своим оттенком янтаря. В воздухе витал аромат кориандра, тмина, имбиря и чего-то такого, от чего хотелось улыбнуться, даже если не понимаешь почему.

Стол был длинный.

Скатерть – яркая, с узорами, будто её вышивали люди, которые не признают скуку.

Официант улыбался загадочно, как человек, который знает, что впереди у гостей небольшой гастрономический переворот.

– Нам всё не острое, – сказал Лео с дипломатической вежливостью.

Официант кивнул так, будто услышал не просьбу, а шутку, достойную аплодисментов.

– Конечно, сэр. Совсем не острое.

Когда принесли еду, воздух стал плотным.

Соусы мерцали в мисках глубокими оттенками оранжевого, рубинового и солнечно-жёлтого. Лепёшки наан⁶ дышали теплом, мягкие, будто только что вышли из печи. Рис рассыпался, как белый шёлк. Маленькие металлические пиалы выстроились вдоль стола.

– Это красиво, – прошептала Васька, уже фотографируя каждую тарелку с видом человека, который собирается доказать миру, что счастье существует.

Ян первым попробовал. Через секунду он замер.

Глаза расширились. Дыхание остановилось.

– Это... это вкусно, – прошептал он. – И я, кажется, больше не чувствую левую сторону лица.

Тая расхохоталась.

– Но ты жив?

– Я думаю... да. Просто мои вкусовые рецепторы сейчас проходят ускоренный курс просветления.

Кир, человек системный, начал читать меню задним числом.

– Подожди. Это было «mild»⁷?

Самир невинно поднял брови.

– По индийским меркам – это, считай, почти без перца...

Сам гид ел это «огненное» блюдо спокойно, без суеты, аккуратно отрывая кусочки лепёшки.

– Главное – не бояться, – добавил он. – Еда чувствует.

– Она что, обидится? – уточнил Кир.

– Нет. Но она может не раскрыться.

Лео попробовал.

Сначала осторожно. Потом смелее.

Наан, соус, рис.

Пряность не жгла.

Она раскрывалась.

Сначала тепло, потом глубина, потом лёгкий огонь.

Фёкла, сделав глоток мангового ласси, закрыла глаза.

– Если бы счастье можно было пить, оно было бы таким.

– Это только начало, – сказал гид, наблюдая за ними с тихим удовольствием.

Тая попробовала карри с овощами. И вдруг поняла, что улыбается.

Вкус был сложным: сначала мягкий, потом пряный, потом сладковатый, потом снова пряный, но с кислинкой.

– Это не просто еда, – сказала девушка. – Это история.

Самир кивнул.

За соседним столиком смеялась семья. Где-то звякнули стаканы. Официант снова появился рядом, незаметно пополняя миски.

– Вам нравится? – спросил он.

– Нам... нравится, – ответил Ян, осторожно прикасаясь к щеке, чтобы проверить, вернулась ли чувствительность.

Васька уже планировала, как будет учиться готовить это дома.

Кир поймал себя на мысли, что не анализирует состав специй. Он просто наслаждается едой.

А Лео вдруг почувствовал странное спокойствие.

Не контроль.

Не расчёт.

А участие.

Вечер растекался, как соус по тарелке.

Они вышли на улицу сытые, чуть покрасневшиеся, с глазами, в которых уже отражалось не только любопытство, но и принятие.

Ночь стала мягче.

В воздухе витал жасмин.

Темнота обволакивала – густая, бархатная.

Рави открыл им двери машины.

По пути Васька мурлыкала мелодию, которую слышала на улице.

– Отдыхайте. Завтра будет ярко. А сегодня просто почувствуйте, что вы уже здесь, – сказал Самир, когда они вернулись в гестхаус.

Когда гид ушёл, друзья переглянулись.

– Ну что, – сказал Кир, – первая ночь в Индии.

– И ни одного плана на ближайшие два часа, – заметила Тая.

– Это прогресс, – торжественно объявила Фёкла.

Они разошлись по комнатам.

Тая легла на кровать. Вентилятор на потолке крутился медленно, словно перелистывал страницу её новой истории.

Страх отступил.

Напряжение растворилось.

Город за окном всё ещё жил, смеялся, сигнализировал, дышал.

В эту первую ночь, без чемодана, без полного понимания, без привычных правил, путешественники ощутили странное облегчение.

Как будто...

с них сняли тяжёлые рюкзаки, о которых они даже не знали.

И сегодня... где-то между карри и ласси, между смехом и огнём специй, друзья сделали первый настоящий шаг.

К новой жизни, где вкус может быть острым,
но опыт — сладким.

ЭТОТ МИР УСТРОЕН ИНАЧЕ

Утро в Дели не начинается. Оно включается.

Сначала просыпаются звуки. Потом запахи.

Потом свет, который не спрашивает, готов ли ты к жизни.

Тая открыла глаза первой.

– Если это просветление, то оно шумное, – пробормотала она, слушая, как где-то сигналият, спорят и поют одновременно.

Ян уже снимал сторис из окна.

– Там внизу философская пробка из рикш.

Васька изучала путеводитель, словно собиралась сдавать экзамен по городу.

– Сначала в супермаркет, – сказала Тая. – За чем-нибудь съедобным, не похожим на вчерашний «вулкан».

Они вышли на улицу.

Солнце уже стояло высоко и вело себя очень самоуверенно.

Через дорогу находился небольшой супермаркет с вывеской, где буквы слегка не соглашались друг с другом.

И у входа лежала корова.

Прямо перед автоматическими дверями.

Голова – к прохладному потоку воздуха из кондиционера.

Глаза – прикрыты.

Вид – безмятежный.

Люди спокойно подходили, аккуратно огибали корову и заходили внутрь. Никто не возмущался, что она «мешает». Никто не пытался «решить вопрос». Мужчина в деловом костюме сделал шаг в сторону, слегка поклонился животному и прошёл внутрь.

– Какая милая! – воскликнула Васька.

– И находчивая. Придумала, как спастись от жары, – сказал Кир.

– Никто не прогоняет её. Это так трогательно! – добавила Фёкла.

Ян осторожно достал телефон, чтобы сделать фото.

– Это лучший кадр утра, – прошептал он.

– Не мешай ей отдыхать, – сказала Тая.

Корова лениво вздохнула – глубоко и мирно – и начала задумчиво жевать цветочную гирлянду из ярко-оранжевых бархатцев.

Продавец, чей товар она только что превратила в обед, лишь сложил ладони в почтительном жесте «намасте». Для него это не было убытком. Напротив, если священное животное выбрало именно его цветы, значит, сама Вселенная приняла его скромное подношение.

Кондиционер продолжал работать.

Корова лежала и охлаждалась.

Это не было препятствием.

Это не было проблемой.

Это было даршаном⁸.

И друзья впервые поняли, что мир может быть устроен иначе.

ФЁКЛА ТЕРЯЕТ СОВЕСТЬ И НАХОДИТ ЛАДДУ

Наутро Фёкла заявила, что намерена держать обет, что да-
ла в самолёте. А именно – не есть сладкого.

Девушка продержалась ровно пятнадцать минут.
Это был её личный рекорд.

Пятнадцать минут она шла по индийской улице, смотрела
по сторонам, вдыхала запахи, улыбалась людям и ни разу не
подумала о сладком. Ни о мёде. Ни о конфетах. Ни даже о
«Птичьем молоке». Хотя этой сладости в Индии, разумеется,
не водилось.

На шестнадцатой минуте запах пришёл сам.
Он был густой. Тёплый. Липкий.

Запах, в котором чувствовались сахар, топлёное масло и
что-то такое... из детства. Из тех времён, когда слово «дiete»
означало «суп без хлеба, но с вареньем».

Фёкла замедлилась.

– Так, – сказала она себе строго. – Мы просто смотрим.
Мы не едим.

Она посмотрела.

На углу стояла лавка. Маленькая. Сладкая даже на вид.
Витрина блестела, как будто её натерли счастьем. За стек-
лом лежали круглые, квадратные, ромбовидные и совершен-

но невообразимые штуки, все – сиропные, золотистые, блестящие.

Фёкла сглотнула.

– Фёкла, – сказала она себе. – Ты сильная. Ты можешь пройти мимо.

Она сделала шаг.

Запах усилился.

– Ладно, – вздохнула Фёкла. – Просто спросим, что это. Из научного интереса.

Внутри лавки было прохладно и очень уютно. Продавец – мужчина с добрыми глазами – посмотрел на неё так, будто он ждал именно её.

Это насторожило.

– Намасте, – сказала Фёкла и тут же забыла все остальные слова.

Она указала на поднос.

– Это... – она замялась, – оно... сладкое?

Мужчина улыбнулся. Широко. С пониманием.

– Ладду, – сказал он. – Очень хорошее.

– Я не ем сладкое, – на автомате сказала Фёкла.

Мужчина посмотрел на неё внимательно.

Потом на ладду.

Потом снова на неё.

– Очень хорошее, – повторил он мягко.

Это был удар ниже пояса.

Фёкла вспомнила об обещании...

О диетах.

О весах.

О том, что «надо держать себя в руках».

Потом девушка подумала:

«А вдруг это судьба?»

– Одно, – сказала она решительно. – Маленькое.

Мужчина положил на тарелку маленький шарик.

Полил сиропом.

Протянул.

Фёкла взяла.

В этот момент произошло чудо.

Нет, не громкое.

Не с эффектами.

Просто мир стал чуть добрее.

– Ой, – сказала Фёкла после первого укуса.

– Ой-ой.

– Ой...

В голове стало тепло.

Мысли разъехались.

Совесть попыталась что-то сказать, но утонула в сиропе.

– Фёкла! – раздался голос Таи с улицы. – Ты где?

– Я... – запаниковала девушка. – Я... изучаю культуру!

– С конфетой? – подозрительно спросил Кир, заглядывая
внутрь.

– Это не конфета! – возмутилась Фёкла. – Это... философия!

Лео посмотрел на её лицо.

На липкие пальцы.

На выражение абсолютного счастья.

– Дай угадаю, – сказал он. – Ты опять нашла путь к истине.

– Я не виновата, – сказала Фёкла честно. – Оно само.

Василина рассмеялась.

– Видите? – сказала она. – Индия всегда знает, кто готов.

Фёкла доела ладду. Потом ещё один. Потом...

Она не была уверена, сколько именно, потому что время в этот момент стало условным.

Когда они вышли на улицу, Фёкла шла медленно. С задумчивым лицом. Очень довольная.

– Ну что, – спросил Кир. – Жалеешь?

Фёкла подумала.

– Нет, – сказала она. – Знаешь... если я здесь поправлюсь – значит, так было нужно.

– Это самая опасная философия, которую я сегодня слышал, – вздохнул Кир.

Фёкла улыбнулась.

Она вдруг поняла:

«Индия не испытывает твою силу воли.

Она проверяет, умеешь ли ты радоваться».

А с этим у Фёклы как раз всё было хорошо.

ЖЕНИХ НА БЕЛОМ КОНЕ

Был вечер.

Тот самый час, когда жара уже не давит, а просто стоит рядом, положив руку тебе на плечо. Воздух пах пылью, жареным тестом и чем-то сладким, что невозможно идентифицировать, но хочется купить сразу килограмм.

– Нам нужны фрукты, – сказала Тая. – Мы с Васькой сходим.

– Темнеет уже, – заволновался Самир. – Вместе пойдём.

– Да тут рядом. Купим – и сразу назад.

В Индии такие фразы Вселенная воспринимает как вызов.

Через пять минут друзья стояли посреди улицы.

Сначала они слышали барабаны.

Не просто «дхак-дхак», «дхак-дхак», «дхак-дхак», а уверенное «жизнь прекрасна, и сейчас мы это докажем».

Дхол⁹ бил глубоко, ритм шёл прямо в солнечное сплетение.

За ним вступили духовые. Потом вспыхнул свет.

По дороге двигалась процессия.

Передвижные лампы на металлических стойках катились вперёд, как маленькие солнца на колёсах.

Генератор гудел с философской обречённостью, но исполнял своё предназначение честно. Провода тянулись следом,

как хвосты комет.

– Это что? – выдохнула Василиса.

– Похоже... свадьба, – сказал Самир, который вышел с ними «на всякий случай».

– Похоже? – переспросил Кир.

И тут процессия раскрылась во всей своей красе.

Шумная, сияющая, искренняя.

– Это бараат¹⁰ – свадебная процессия жениха. Идут к дому невесты, – объяснил гид.

Музыка гремела, фейерверки вспыхивали искрами.

Мужчины в ярких куртах танцевали так, будто счастье нельзя выразить словами, только всем телом и желательно одновременно. Кто-то вращал платок над головой, кто-то подпрыгивал, кто-то просто двигался с таким достоинством, будто танец – это ещё один способ благословить этот вечер.

Из-за поворота показался слон. В праздничной попоне, расшитой золотыми нитями. Лоб расписан орнаментом, аккуратным, как миниатюра. Уши украшены кисточками. Он двигался величаво, спокойно, понимая: сегодня он часть истории.

– А, может, ну их... фрукты? – тихо спросила Фёкла.

За слоном шла белая лошадь.

Украшенная гирляндами, с аккуратно вплетёнными в гриву цветами. И на ней – жених.

Он был одет в светлый шервани¹¹ – кремовый, с тонкой вышивкой, длинный сюртук с закрытым воротником, под

ним узкие брюки чуридар¹². На голове – тюрбан, сафа¹³, аккуратно уложенный, с украшением спереди.

И самое удивительное – его лицо почти скрывала вуаль из живых цветов. Нежные белые бутоны спускались с тюрбана, создавая живой занавес.

– Это что... жасмин? – поинтересовалась Васька.

– Да. Здесь эти цветы называют «могра»¹⁴, – ответил Самир. – И верят, что они защищают жениха от «дурного глаза».

– То есть он официально самый красивый и самый защищённый человек в радиусе километра, – прошептала Фёкла.

Жених сидел прямо, держался уверенно, но в его позе чувствовалась та особая сосредоточенность человека, который осознаёт масштаб момента.

Толпа заметила иностранцев.

И, как это часто бывает в Индии, решила, что радость увеличивается при добавлении новых участников.

– Дэнс! Дэнс! – закричал кто-то.

Через минуту Фёкла уже танцевала с двумя тётушками в блестящих сари.

Движения выглядели как изящный разговор с небом: руки вверх, поворот, хлопок, лёгкое покачивание плечами.

– Я стараюсь. Очень! – хохотала девушка. – Если что, это современная интерпретация!

Одна из тётушек одобрительно кивнула и добавила в её движения такое вращение кисти, что Фёкла почувствовала,

как в ней просыпается внутренняя боливудская актриса.

– Кир, ну чего ты стоишь! – крикнула Василиса.

– Я фиксирую культурное явление! – начал он, поднимая телефон.

Пожилая женщина с серебряными браслетами посмотрела на него так, будто провела мгновенную диагностику его души.

Хлопнула в ладоши перед его лицом.

Кир моргнул.

Барабан ударил сильнее.

Кто-то повесил ему на шею гирлянду.

И внезапно он хлопнул в такт.

Сначала неловко. Потом уже с таким выражением, будто всю жизнь готовился к этому моменту.

– Я не знаю, что делаю! – крикнул он.

– Главное – делай это уверенно! – ответила Фёкла, кружась.

– Свадьба здесь – это коллективная радость! Чем больше людей танцует, тем больше благословения, – сказал Самир.

– То есть мы увеличиваем статистику счастья? – уточнил Кир, продолжая двигаться в такт.

– Именно.

Слон повернул голову. Медленно. И посмотрел на него.

Почти одобрительно.

– Я чувствую, что прошёл инициацию, – пробормотал Кир.

Василиса смеялась так, будто все её тревоги временно сложили в коробку и убрали под стол. Ян смотрел на неё и думал, что если бы счастье можно было описать, оно выглядело бы именно так – немного растрёпанным и сияющим.

– Это нормально? – спросил Кир у Самира, уже запыхавшийся, но вдохновлённый.

– Что именно?

– То, что нас... приняли?

– Свадьба – это радость. Радость не проверяет паспорта. Процессия двигалась дальше.

Барабаны удалялись.

Свет катился вперёд.

Слон исчез за поворотом.

Улица снова стала улицей.

Они стояли слегка растрёпанные, с лепестками в волосах и ощущением, что только что участвовали в чём-то гораздо большем, чем просто танец.

– Фрукты, – напомнила Тая.

Все рассмеялись.

В лавке продавец, который взвешивал им манго, сказал:

– Хорошая свадьба! Много счастья будет.

– Откуда вы знаете? – спросила Василина.

Он улыбнулся.

– Я слышал барабаны. И видел, как танцевали.

ЗАПЯТАЯ ПЕРЕД ПЕСНЕЙ

Если после свадьбы кому-то казалось, что уровень культурного погружения достиг потолка, Индия только вежливо разминала пальцы.

Инициатором нового приключения стала Василина.

– Мы обязаны сходить в индийский кинотеатр! – объявила она утром за завтраком с видом человека, который только что получил личное приглашение от Болливуда.

– Я уже пережил слона, украшенного золотыми нитями, – осторожно сказал Кир. – Мне кажется, это достойная точка.

– Это не точка, – возразила Василина. – Это запятая.

– Запятая перед чем?

– Перед песней!

Самир кивнул с уважением.

– Хороший аргумент.

– Я не давал согласия, – попытался Кир.

– В Индии согласие часто наступает позже события, – спокойно сообщил Самир.

Фёкла радостно хлопнула в ладоши.

Здание кинотеатра выглядело так, будто сначала мечтало стать дворцом, потом передумало и добавило эскалаторы.

Перед входом стояла очередь.

Шумная.

Яркая.

Радостная.

Люди фотографировались с постером фильма, на котором главный герой держал меч, ребёнка, гитару и, судя по выражению лица, одновременно спасал мир и собственные отношения.

Самир купил билеты с торжественностью человека, который приобретает участие в коллективном эмоциональном эксперименте.

– Сегодня индийский блокбастер, – изрёк он.

Фёкла на входе получила пакет попкорна...

размером с детскую ванну.

– Это на всех? – уточнила она.

– Это на первую серию, – серьёзно ответил гид.

В зале пахло пряностями и ожиданием.

Кир сел, приготовившись к борьбе за личные границы.

Границы исчезли через три минуты...

Свет погас.

На экране появился герой.

Зал взорвался аплодисментами.

– Они его знают? – удивился Кир.

– Конечно, – сказал Самир. – Он спасал мир уже трижды.

С первых минут стало ясно: в фильме будет всё.

Любовь.

Предательство.

Мать, которая всё чувствует сердцем.

Брат, который сначала плохой, потом хороший.

Дождь.

– Почему они все поют? – прошептал Кир на пятой минуте.

– Потому что чувства нельзя хранить в молчании, – философски ответила Фёкла. – Они протухнут.

Фильм развивался стремительно.

Герой страдал.

Любил.

Дрался.

Пел.

Танцевал.

Плакал.

И снова дрался.

Зал участвовал.

Когда герой грустил, люди вздыхали.

Когда злодей появлялся, его освистывали.

В какой-то момент главный герой узнал страшную тайну.

Музыка взвыла. Камера приблизилась к его глазам.

И зал... взорвался.

– Не верь ему! – закричал парень справа.

– Он предатель! – завопил мужчина в третьем ряду.

– Скажи правду! – хором потребовали подростки.

Кир замер.

– Они... разговаривают с экраном?

– Конечно, – кивнул Самир. – Героям нужна поддержка.

И в этот момент начался танец.

Танец под дождём.

Танец без дождя.

Танец в принципе.

Но уже на экране.

В зале.

Фёкла аплодировала, хотя не до конца понимала кому.

В середине фильма умер второстепенный персонаж. Тот самый, который улыбался всем и кормил бездомных щенков.

Зал всхлипнул.

По-настоящему. Громко. С чувством.

– Это кино или коллективная терапия? – пробормотал Кир.

Фёкла шмыгнула носом.

Кир смотрел на экран, но видел не только сюжет.

Он видел, как человек сто... одновременно переживают одну историю. Без иронии. Без защиты. Без «ну это же кино».

Когда финал всё-таки пришёл – счастливый, разумеется, но выстраданный – зал взорвался аплодисментами.

Аплодировали стоя.

Героям. Любви. Справедливости. Себе.

Фёкла всплакнула.

– Это было очень честно.

– Там было тринадцать сюжетных линий, – попытался сопротивляться Кир. – И половина законов физики погибла.

– Зато любовь выжила, – заметила Василина.

– Это статистически неточно, – пробормотал Кир, но без прежней уверенности.

Когда они вышли из кинотеатра, вечер уже опустился мягкой синевой.

Самир стоял чуть в стороне.

Глаза у него были подозрительно красными.

Василина подошла первой.

– Ты что... плакал?

– Нет, – быстро ответил гид.

И отвернулся.

Кир подумал о себе.

О своей жизни, где всё расписано, просчитано, защищено.

Где эмоции дозируются, как лекарства.

И вдруг поймал себя на мысли, что он тоже невольно сопереживал героям на экране.

Без анализа.

Без защиты.

Парень даже не понял, когда успел снять внутренние наушники, через которые всегда слушал мир.

Индия не просила его быть чувствительным.

Она просто включила громкость.

МИЛЛИОН УЛЫБОК

Если город – это сердце, то рынок – его пульс.

Чандни Чоук¹⁵ встретил их цветом.

Специи лежали горками, как миниатюрные пустыни.

Ткани свисали водопадами.

Металл блестел, будто солнце решило стать продавцом украшений.

Голоса не кричали. Они переливались.

Смех, торг, детский визг, звон монет.

– Я хочу всё, – прошептала Тая.

– Ты не вывезешь, – заметил Кир.

– Я про впечатления.

Ян уже снимал замедленное видео, где пыль танцевала в солнечном луче.

Кир вдохнул запах кардамона и вдруг почувствовал, что его внутренний ритм слегка сбивается. Слишком много всего. Слишком живо. Он привык к системам. А здесь всё было... как джаз.

– Кир, – Васька коснулась его локтя. – Ты как?

Он хотел сказать: «Нормально».

Но поймал себя.

– Шумно, – честно ответил он.

И друзья пошли дальше.

У одной из палаток сидел старик с весами.

Не электронными.

Настоящими.

С чашами.

На одной стороне лежали специи. На другой – маленькие камни.

– Зачем камни? – спросил Кир.

Старик поднял глаза.

– Чтобы помнить вес.

– Вес чего?

– Времени.

Они переглянулись.

– Он шутит? – прошептал Ян.

– Здесь никто не шутит. Здесь всё правда, просто не всегда понятная, – тихо сказал Самир. – Попробуй.

Кир насыпал кардамон в чашу.

Камни качнулись.

Весы замерли.

– Видишь? – сказал старик. – Равновесие.

– Это просто граммы, – автоматически начал Кир.

Старик улыбнулся.

– Всё в жизни просто граммы. Вопрос – что ты кладёшь на весы.

Кир стоял и смотрел на чаши.

Он всю жизнь клал туда усилия.

Терпение.

Удобство.

Желание понравиться.

А камней становилось всё больше.

– Сколько стоит? – спросил он.

– Для тебя? – Старик прищурился, и морщинки у его глаз собрались в причудливый узор. – Бесплатно.

Он зачерпнул кардамон деревянной ложкой, высыпал в плотный бумажный свёрток и протянул Киру. Аромат специи – острый, лимонно-хвойный – мгновенно заполнил пространство между ними.

– Бесплатно? Нет, я так не могу. Вот, держите, – Кир потянулся за кошельком. – Думаю, этого хватит.

Старик не протянул руки. Он лишь печально улыбнулся и покачал головой:

– В этом твоя беда, сынок. Ты смотришь на мой дар, а видишь сделку. Верно, ты слишком долго жил там, где у всего есть ценник, и разучился верить в то, что в этом мире человек может сделать что-то просто так, от сердца. Оставь деньги себе. Учись принимать.

Кир замер, сжимая в пальцах ненужные купюры. Слова старика повисли в раскалённом воздухе, тяжёлые и душистые, как сам кардамон. Этот короткий урок искренности словно разбил невидимое стекло, за которым пряталась их компания, и индийский рынок хлынул внутрь, разделяя друзей, увлекая каждого в свой собственный лабиринт.

Ян первым поддался этому течению – он отвлёкся на уличного музыканта, чья флейта выводила тонкую, «змеиную» мелодию.

Ян, всё ещё пытаясь вернуть контроль над реальностью через логику, уже спорил с соседним продавцом о происхождении сандалового масла, доказывая что-то жестами.

Тая бесшумно исчезла в ворохе ярких сари, утонув в шёлке и хлопке.

Фёкла – в блеске серебра и тяжёлых браслетов.

И вдруг Василина поняла, что стоит одна.

Не трагично. Не пугающе. Просто одна.

Раньше она бы начала паниковать, искать. Собирать всех в точку, пытаясь удержать ускользающие связи. Но слова старика, сказанные Киру, эхом отзывались и в ней. Возможно, этот момент одиночества тоже был «даром», который нужно просто принять.

Сейчас она стояла, слушала. И улыбалась.

Рынок дышал. Люди двигались.

Не толкались – проплывали мимо, оставляя за собой шлейф из запаха жасмина и пыли.

Время растянулось, став тягучим, как свежий мёд.

И вдруг...

«Щёлк».

Звук был короткий, как мысль.

Василина обернулась.

Перед ней стоял молодой человек с камерой.

С такой, которая выглядит не как техника, а как продолжение руки.

– Мне повезло, – бормотал фотограф. – Такая естественная.

– Я сейчас должна насторожиться? – прищурилась Василина.

– Простите, я не удержался. Собираю миллион улыбок, – смутился парень. – Вы улыбнулись...

Васька моргнула.

– Это я умею.

– Я Устин, – сказал он, чуть наклоняя голову. – Фотограф по призванию и... по глупости.

– Васька. По жизни и по настроению.

– Это паспортное?

– Это харизматичное.

– Тогда беру.

Девушка засмеялась.

– У вас редкая улыбка. Она не «для кого-то», – добавил он.

Васька зависла.

– В смысле?

– Некоторые улыбаются, чтобы понравиться. Некоторые – чтобы «сгладить» углы. Многие – просто из вежливости. А вы сейчас улыбались, потому что вам правда смешно.

Василина вспомнила, как секунду назад смотрела на Фёклу, которая уверяла продавца, что серебряные браслеты

«слышат её вибрации». И правда рассмеялась.

– То есть вы фиксируете компромат на искренность?

– Архив радости, – поправил Устин. – Когда-нибудь открою музей. Вход бесплатный, выход – с надеждой.

– Скромно, – хмыкнула Васька. – И сколько уже собрали?

– Тридцать семь тысяч четыреста двадцать две. С сегодняшней – двадцать три.

– Мне нравится это число. В нём есть что-то... недосказанное.

– В нём есть вы, – сказал он спокойно.

Васька закатила глаза, скрывая за этим жестом мимолётное смущение, и улыбнулась – уже без тени напускной строгости.

– Могли бы и спросить, – бросила она, и в её голосе прозвучало больше интереса, чем упрёка. – Я не очень жалую незванные объективы.

Фотограф чуть смутился.

– Удалить?

– Покажите.

Он повернул экран к ней.

На фото она смеялась.

Не вежливо.

Не позируя.

По-настоящему.

На фоне специй, пыли, солнца.

Как будто рынок существовал только чтобы подсветить её.

– Это я? – спросила она.

– В редком состоянии «без брони», – сказал он.

– Смело. Я не знала, что так улыбаюсь.

– Люди редко знают, – ответил он. – Поэтому я и собираю.

В этот момент к ним подошёл Кир, подозрительно глядя на объектив.

– Надеюсь, вы не продаёте наши лица нейросетям.

– Только Вселенной, – невозмутимо ответил парень.

– А, ну тогда ладно, – буркнул Кир, но остался рядом, на всякий случай.

– Устин, – сказал молодой человек, протягивая руку.

– Кир.

Фотограф улыбнулся.

– Рад знакомству.

– Смотрите, Устин, я могу войти во вкус и начать собирать фотографий, – улыбнулась Васька, и в её глазах мелькнула искорка.

– Сколько экспонатов уже имеется?

– Вы первый. Но отбор у меня строгий.

– Что ж, это обнадеживает.

И между ними повисла пауза.

Не неловкая. А живая, тягучая, наполненная предвкушением.

Так замирает зал, когда дирижёр уже поднял палочку, и в этом секундном покое уже слышна вся будущая симфония.

– И что дальше? – спросила девушка.

– Дальше? – Устин чуть пожал плечами. – Я буду ходить по рынку и ловить свет. А вы...

– А я буду случайно попадать в кадр?

– Если повезёт.

Она сделала шаг назад, театрально прижав руку к сердцу.

– Это звучит как вызов.

– Это звучит как приглашение, – мягко поправил он.

И рынок вдруг стал немного другим.

Чуть ярче.

Чуть медленнее.

Как будто кто-то незаметно подкрутил насыщенность жизни.

Васька отвернулась, но через секунду снова посмотрела на него.

– Можно на «ты»?

– Конечно.

– Когда у тебя будет миллион... что потом?

– Тогда я перестану считать.

– А если я захочу увидеть свою улыбку через год?

Он посмотрел на неё внимательно.

– Тогда нам придётся встретиться снова.

Она улыбнулась.

Уже осознанно.

И фотограф снова поднял камеру.

СИТАР В НОЧИ

Крыша гестхауса оказалась тем самым местом, которое не обещает ничего, а потом тихо дарит всё.

Пластиковые стулья, пережившие, судя по их виду, как минимум три философских кризиса и два сезона дождей.

Столик, слегка кривой, но гордый.

А вокруг – бархатная ночь.

Она не была чёрной – этот цвет слишком плоский для Индии. Она не была просто тёмной. Она была именно бархатной – мягкой на ощупь, ласкающей кожу, как дорогая ткань. Тёплая, глубокая, она пахла остывающей землёй, ночным жасмином и далёким дымом костров. Эта ночь не разделяла людей, а обволакивала их, превращая случайную встречу в нечто неизбежное.

Город внизу шумел.

Индия вообще не умеет шептать. Она разговаривает, поёт, сигналиит, спорит, жарит, молится и смеётся одновременно.

Кир первым проверил столик.

– Если он сломается, это будет символично, – сказал он.

– Чему? – спросила Фёкла, аккуратно ставя стаканы.

– Нашим иллюзиям о надёжности мира.

Столик выдержал.

– Мир держится, – подытожила Васька. – Можете рассла-

биться.

Тая опустилась на стул и запрокинула голову к небу.

– Посмотрите, – тихо сказала она.

Над ними было небо, которое не знало о дедлайнах. Звёзды выглядели так, будто их рассыпали небрежно, но талантливо.

Ян уже лежал на полу, подложив под голову рюкзак.

– Если я завтра стану просветлённым, знайте, это от этого воздуха.

Фёкла рассмеялась.

Лёгкий ветер двигал воздух так, будто перелистывал страницу.

– Знаете, – сказала вдруг Васька, – сегодня я впервые не испугалась, когда осталась одна.

Лео посмотрел на неё.

– И как это?

– Как будто я не выпала из истории. А просто стояла на своей странице.

Повисла пауза. Не тяжёлая. Тёплая.

– Это Индия, – сказал Ян, глядя куда-то поверх крыш. – Она как психоаналитик.

– Только вместо кушетки и тихого кабинета – Чандни Чоук в субботу, – добавил Кир.

Все тихо рассмеялись.

– Серьёзно, – продолжил Ян. – Ты идёшь по рынку, тебя толкают, тянут, предлагают, зазывают. И вдруг среди этого

хаоса понимаешь что-то о себе.

– Чандни Чоук – это как проверка на устойчивость, – сказала Тая. – Если ты можешь пройти через этот поток и не рассыпаться, значит, внутри уже есть опора.

Васька глубоко вдохнула.

– Странно, – сказала она. – Среди всего этого шума я сегодня впервые почувствовала тишину внутри.

– Поздравляю, – серьёзно сказал Кир. – Ты прошла уровень «Чандни Чоук». Дальше, возможно, будет ещё сложнее.

– Не пугай, – рассмеялась Тая.

Ян посмотрел на город, который не собирался спать.

– Мне нравится, – вдруг сказала Тая тихо. – Что мы сейчас здесь. Просто так. Без цели.

– У нас есть цель, – возразил Кир. – Мы доедаем манго.

– Это святое, – согласился Ян.

Фёкла передала кусочек Лео.

– Ешь медленно. Так вкуснее.

– А я сегодня познакомилась, – сказала Васька.

– Мы заметили, – хором ответили Кир и Фёкла.

– С фотографом? – уточнил Ян.

– Да.

– Он красивый? – деловито спросила Фёкла.

– Он... внимательный, – сказала Васька после паузы. – Это хуже.

– Хуже?

– Это опаснее.

Они рассмеялись.

– И что теперь? – спросил Лео.

– Не знаю, – честно ответила она. – Он сказал, что собирает миллион улыбок.

– Отличная бизнес-модель, – кивнул Кир. – Никаких вложений, только люди.

Васька вдруг встала и подошла к краю крыши.

Пластиковый стул недовольно скрипнул.

Внизу кто-то играл на ситаре.

Ритм был неровный, живой.

Не концертный.

Не вылизанный.

Он не старался понравиться.

Васька опёрлась ладонями о прохладный край парапета.

– Слышите? – тихо сказала она.

– Это он для тебя, – отозвался Ян. – Вселенная включила романтический плейлист.

– Не порти момент, – шепнула Тая.

Музыка внизу вдруг ускорилась, потом замедлилась, будто музыкант передумал, улыбнулся, снова начал. В этом не было дисциплины. Только дыхание.

Васька закрыла глаза.

Ситар тянул ноту, и казалось, что она держится в воздухе дольше, чем положено физикой.

– Если бы у ночи был голос, – сказала Васька, не открывая глаз, – он был бы таким.

– Ты изменилась сегодня, – сказал Кир спокойно.

– Я? – она усмехнулась. – Я просто слушаю.

– Вот именно.

Внизу кто-то засмеялся. Мотоцикл проехал, разрезав звук, но музыка снова вернулась. Упрямая.

Васька открыла глаза.

Город не стал тише.

Но стал ближе.

– Знаете, – сказала она, не оборачиваясь, – раньше я думала, что нужно что-то большое. Громкое. Чтобы почувствовать. А оказывается, достаточно вот этого.

– Этой музыки? – уточнил Кир.

– Да. И крыши. И того, что никто никуда не торопится.

Ветер поднялся, тёплый, осторожный.

Принёс запах пряностей, пыли и далёкой воды.

Ситар оборвался внезапно.

Не финалом.

А паузой.

И эта пауза оказалась красивее любой ноты.

Васька улыбнулась в темноту.

Где-то внизу музыкант, возможно, уже убирал инструмент.

А здесь, на крыше...

бархатная ночь аккуратно складывала сегодняшние мысли и ощущения в невидимую коробку с надписью «запомнить».

ТАЯ

Тая Хлопотина была человеком, у которого всё складывается.

Работа – перспективная. Отношения – стабильные. Решения – обоснованные. Тая никогда не кричала. Не скандалила. Не делала глупостей. Она всё продумывала, организовывала, упорядочивала.

И делала выборы, которые одобряли.

С утра всегда просыпалась красиво. Не в смысле макияжа или причёски. В смысле намерения.

Она открывала глаза и сразу знала, кем сегодня будет: уверенной, собранной, рациональной, светлой.

Но сегодня намерение не пришло.

Потолок был обычный. Вентилятор крутился с ленивым достоинством. С улицы доносился гудок, который явно не был личным. Тая лежала и чувствовала странную пустоту под кожей.

Не депрессию. Не драму. Просто отсутствие сценария.

Вчера друзья договорились побродить по городу.

Их уговор был прост и по-своему революционен: выйти в город без карт, маршрутов и списков «must-see»¹⁶. Просто погулять. Без конкретной цели.

Это была затея Яна – человека, который умел находить

сокровища в тупиковых переулках и видеть музыку в случайном шуме. Обычно Тая сопротивлялась подобному хаосу; она не признавала прогулок без вектора. Её мир состоял из чётких планов, таймингов и отметок на картах. Но вчера что-то внутри неё дрогнуло, защитные механизмы дали сбой, и она... просто кивнула.

Индия встретила друзей лабиринтом узких улиц, где стены домов, казалось, перешёптывались над головами прохожих. Город жил в своём ленивом, тягучем ритме: в густой тени подворотен, свернувшись калачиками, лежали собаки.

А рядом, на залитых солнцем пяточках, разворачивалось безмолвное искусство. Продавцы не просто торговали – они выкладывали на лотки манго, папайю и гранаты с такой бережностью и точностью, будто собирали драгоценный витраж в окне великого собора. Цвета перетекали один в другой, создавая безупречную картину, которую жалко было разрушать покупкой даже одного плода.

Город не просто вёл их за собой – он учил их никуда не спешить.

Ян снимал. Кир спорил с вывеской о переводе. Васька задавала вопросы каждому встречному. Лео шёл молча, но не тяжело.

Тая шла и чувствовала, что внутри нарастает беспокойство.

Никакой цели. Никакой задачи. Никакого «надо».

И вдруг её охватила паника.

– Куда мы идём? – резко спросила она.

Все остановились.

– Вперёд? – осторожно предположил Кир.

– Я серьёзно.

В её голосе прозвучало напряжение.

Ян опустил телефон.

– Просто гуляем.

– Просто – это не ответ.

Тишина.

Тая вдруг поняла, что злится.

Не на них. На отсутствие структуры.

– Мне тяжело без плана, – сказала она уже тише.

Это признание далось сложнее, чем она ожидала.

Лео смотрел на неё внимательно, но без попытки «починить».

– Ты боишься потерять контроль? – спросила Васька мягко.

Тая усмехнулась.

– Я боюсь потерять себя.

Слова прозвучали неожиданно даже для неё.

– В смысле? – спросил Ян.

Она долго молчала.

– Я всю жизнь выбирала правильно.

Учёба – правильно.

Работа – правильно.

– Это плохо? – спросил Кир.

– Нет. Но я не уверена, что это было моё.

Воздух стал плотнее.

– А чьё? – тихо спросил Лео.

Тая посмотрела на улицу, где закатное солнце золотило пыль, превращая обычный индийский вечер в декорацию к старой легенде.

– Это было то, чего от меня ждали, – произнесла она негромко.

Эта фраза повисла между ними, как тонкая нить, натянутая до предела. В ней было всё: и усталость от вечных планов, и страх не соответствовать собственному списку дел, и внезапное облегчение от того, что этот список наконец-то потерян.

А потом нить оборвалась, уступая место чистому импульсу.

Решение поехать к старому храму за городом возникло из ниоткуда, родившись в самом центре этого безмятежного «сейчас». Оно было принято спонтанно, без сверки с путеводителями. Ян нашёл это место, просто лениво пролистывая карту и ткнув пальцем в зелёное пятно на окраине. Кир, обычно скептический, на этот раз лишь мельком проверил отзывы и молча кивнул. Лео веско отрезал: «Надо ехать», словно это было единственно верное решение во всей их жизни. Фёкла же, не теряя времени, уже вовсю плела кружево новой легенды про затерянный портал, который непременно приведёт их к долгожданному внутреннему балансу.

И самое странное в этом было даже не место, а тот факт, что Тая не планировала ничего.

Она просто стояла рядом, позволяя этому хаосу решений нести её за собой. Для человека, чья жизнь была расчерчена по линейке, отсутствие плана само по себе уже было событием – более грандиозным и значимым, чем посещение любого храма.

Такси было старым, но упрямым. Водитель слушал песню, которая звучала как бесконечный восход солнца. Тая смотрела на пыльную дорогу и чувствовала, как внутри поднимается знакомая тревога.

Никакого расписания.

Никакого контроля.

Никакой гарантии, что «всё пойдёт правильно».

И словно в ответ на её мысли машина резко дёрнулась.

Хлопок.

Они остановились.

Пробитое колесо.

Водитель философски вышел и развёл руками.

– Twenty minutes, maybe thirty¹⁷.

Тая ощутила, как сердце ускорилося.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.